

Александр
Лайко

другой
сезон

АЛЕКСАНДР ЛАЙКО

ДРУГОЙ СЕЗОН

(Берлинские стихи)

Берлин 2001

Copyright © Alexander Laiko
ISBN 3-00-008325-1

Тане Кондратович

* * *

Взять саквояж – и двинуть из Руси,
Допустим, в Рим, а, может быть, и в Ниццу,
По зимнику унылому трусить,
Морозным утром пересечь границу,

Дремать и грезить – купола Петра
И говор италийского базара,
Спросонья что-то накропать в тетрадь,
Испить глинтвейн на берегах Изара.

Здесь жизнь весьма удобна и легка –
Масс пенится и медхены воркуют...
– Ну как там? – спросишь, встретив земляка,
– Воруют, – он ответствует, – воруют.

А что до «Мёртвых душ» – остатний том
Не ладится – своя едва живая!
Оставим встречу с Музой на потом,
А там... А там пусть вывезет кривая!

Как говорит один учёный муж,
Лоза Господня на Руси дичает –
За умерщвление, за растление душ
Никто в Руси и Русь не отвечает.

Ну не даёт ответа, хоть скажись,
И тройка мчится вдаль угрюмо,
И слышу я родимое «Катись!...»,
И дале мат – то ль пристава, то ль кума.

* * *

На улице,
Где припаркованы авто,
И сумрак зелени – с полотен Либермана,
От станции "Karlshorst" берлинского S-бана
По ходу поезда, примерно, метров сто,
Имею место быть. Жара.
Пью воду из-под крана.
На вешалке висит московское пальто.
А что касасемо моих соседей, то,
Поверьте, Иванов не лучше Вестермана.

Мне хочется себе ответить без обмана –
Каков же результат квартирного обмена,
Помимо знанья, что Арбат далековат?

И коммунальный быт восстанет непременно...
Летучею слезой его омою стены,
– Прости, – проговорю, – но жизнь – моя.
Privat!

* * *

По Фридрихштрассе веет сквознячок –
Молоденький, балтийский, голенастый –
Того гляди, загонит день ненастный
В избу валдайскую, где балует сверчок,

Где в дверь стучится Коля-дурачок,
Сосед и гость, в связи с похмельем, частый,
Дрожащий и доверчиво-глазастый,
В руках бутыль и стрелочка-лучок.

СРЕТЕНКА

Памяти М.А. и М.Р.

Давно, вчера, насупротив "Урана",
Сей кинотеатр, кажется, снесён,
Пивной сооружён был павильон –
Советских служащих уютная нирвана,

Где влага била в кружки из-под крана,
Мы, три товарища, чуть старше – он
/Поллитра извлекалась из кармана/:
– Культ... И культур...– гудели в унисон.

И вот легли на сон или уснули –
Тот, старший, высоко, в Гиват Шауле* ,
Один из троицы – в очках и рыжий –
Истаял, как туман, в цветном Париже,
Хотя ведь только что отпил из стакана!

И долго шли по Сретенке. Луна...

**Кладбище в Иерусалиме.*

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЛИН В ДЕВЯНОСТОМ

Когда не продохнуть в Берлине от сирени,
И пьян от запаха, едва ползёт закат,
Куда бы ни попал я – на восток ли, запад –
Встречаю мертвецов блуждающие тени,
От ранних сумерек до полной темени
Они по улицам пустынным мельтешат.

То медленно бредут, не узнавая город,
И озираются в кварталах пустырей,
Где югендстиль парил, но буйствует репей,
В глазницах опустевших зданий тьма и холод,
Свинцовой оспою лик ангела исколот,
И прочно досками забит проём дверей.

Под тентами кафе и в кнайпах в этот вечер
Как бы спектакль даёт театр теневой :
Не сообщаясь совершенно с жизнью новой
/ Костюмы прошлого и лишь о прошлом речи /,
Герои пьесы цедают пиво до'ночи,
И поминально на столах мерцают свечи.

ОКТЯБРЬ УЖ НАСТУПИЛ...

Как низко чайник наклонён над плоскостью стола,
И китайчонок Ли ведёт понурого вола,
И на фарфоре голубом колеблется тростник...
Откуда-то из-за Невы неясный звук возник.
Октябрь уж наступил, и лёд – на луже во дворе,
Лицо хозяйки самовар морочит в серебре;
В столовой сумрак, жар печей и небольшой угар,
И долго стонет и дрожит часов сухой удар.

Откушает мужчина чай и отшвырнёт шлафрок,
И затрещит автомобиль, и закричит рожок.
Хлопки метущейся пальбы летят издалека –
Когда приходит к власти смерть, то эта власть крепка.
По убиенным на Руси не принято тужить,
И даже китайчонок Ли пойдёт ЧК служить.
Хозяйка разливает чай, красива и смугла,
И низко чайник наклонён над плоскостью стола.

ДЕЛО № 17394

УНКВД СССР ПО КРАСНОДАРСКОМУ КРАЮ

Памяти
Константина Михайловича Кузнецова

Ткаченко – лейтенант, педант и дока,
Возможно, жив служивый до сих пор,
На жирной пенсии седой бугор –
"Шпионам польским" всяко лыко в строку

Вставлял, мотал расстрельный приговор,
Ткал полотно и сеть кидал широко:
В неё мой дед попал в мгновенье ока –
Худой и с тросточкой на фоне гор,

Улыбчивый на пожелтевшем фото.
А дальше – исполнителей работа,
Подвал да желобок для стока,
Где мужички с похмелья сладят кару,
Когда трамвай и алый свет с востока
Пойдут гулять-бренчать по Краснодару.

МОСКОВСКИЙ СОН

Всё впопыхах – в метро да из метро,
Универсам, троллейбус, ночь и снова
Метро, метро – и вдруг шагнуть в ретро,
Упасть в пролётку – вывози, подкова!

С едва знакомой дамой пью ситро.
– Я влюблена в Бердслея! Это ново!
И дышит, и колыхается перо –
Как с ней пройду по площади Свердлова?

Но что я потерял в глухой Москве?
– Эй, кучер, поспешай! Там, на Неве,
Как ранее рекли, моё гнездо,

Да только птиц, мадам, перестреляли.
Поедем в Царское Село! – и до:
Я вас любил. Любовь... И дале, дале...

ТУМАН В ГАМБУРГЕ

Памяти Ю. К.

Ползёт по готике туман,
Как бы парок московский, банный,
Но даже в яви иностранной
Недолго тешит нас обман.
И град кривой, мне Богом данный, —
Холодный сон про Теплый стан.

Перекликаются суда —
И громогласно, и железно.
И что гадать тут? Бесполезно.
И даже думать, господа,
Какой же чёрт загнал сюда,
А, может, ангел мой болезный?

Куда белесые бадьи
Плывут ослепшие, чтоб слиться
С туманом, и не возвратиться
Ни в порт, ни на круги свои?
Не потому ль сегодня птицы
Как бы хмельны и в забытьи.

Куда уходит человек,
Едва успев от сна очнуться,
И, оглядевшись, содрогнуться –
Ан камешек да имярек.
И на Москве метётся снег –
Хватило б сил не оглянуться!

А жизни сей халабала
Идёт, как фрау Шмидт за снедью,
Пронзительною готской медью
На кирхе бьют колокола –
Вот здесь твою страшной смертью
Меня Россия догнала.

НЕМЕЦКИЙ ПАСПОРТ

Офелия пила сырую воду,
А Виолетта пела о любви.
Прибыв надясь в Берлин из Навои,
Девицы здесь не делают погоду,

Но есть соображения свои:
К примеру – замуж выйти сходу;
На готов пожилых ведут охоту,
К венцу готовы, только позови.

Ну, да, не Гамлет. Нет. И не Альфред.
И всё-таки не худшие мужчины:
Хорст выпить не дурак, но ортопед,
А Курт на пенсии – плетёт корзины.

Офелия вино пьёт из пакета,
Поёт в церковном хоре Виолетта.

КУМИР

Пусть голос мал,
Гляди как ходят ноги,
Как обнимает страстно сам себя.
Шажком токующего го-лу-бя,
Взыскуя тела женского – о, боги! –

Идёт, бежит, кружится – руки в боки.
Затем свой пах разгладив деловито,
И в пляске изойдя святого Витта,
Взмокает от желанья и потуги.

Весь в коже. И по ляжкам дробь стучит,
Вращает попкой детской, как пчела,
И воздух трахает, и ножками сучит,
И публика – плач, стоны – обалдела...

И вся любовь и все дела.
И он дрожит в оргазме мелким бесом
С лицом малоподвижным и белесым.

* * *

Две ведьмы соревнуются в дзюдо:
Одна простоволоса и патлата,
Другая кривонога, старовата,
Ей бы вязать и ожидать Годо,

Но с диким криком и повадкой ката
Француженку из города Бордо,
Девицу томную, да в два обхвата,
Ломает о железное бедро.

Ау, эмансипанки, культуристки!
Гринписки, феминистки, одалиски!
Всё до поры. Глядишь, среди игры,
И, думается, это время близко,
Когда под тяжкий рок, хрипящий в диско,
Вас повлекут в железзах на костры.

КРЫЖОВНИК

Конечно, разговор обычно пуст.
Ну что там? Чаще о погоде –
То о жаре, то о прохладе,
Похоже на общенье вроде,
Но более на недержанье уст.

Намедни педик, местный златоуст,
В бабско-бретелечном наряде
Вещал с экрана о свободе,
А с ним, нет, с ней балакал дядя,
Опасливо дивясь на мощный бюст.

Затем был пастор и какой-то хлюст,
Беседа шла о Божьем граде
И о берлинском love-параде,
Что он открыт и Бога ради,
Связь эту предрекали Фрейд и Пруст.

Конечно, разговор обычно пуст.
Ну что там? Чаще о погоде –
То о жаре, то о прохладе,
То во саду ли, в огороде
Крыжовника неопалимый куст.

НА BRUSENDORFER МУЗЫКА ИГРАЕТ

Прекрасная немецкая нога, и вряд
Три пары стройных женских ног в России целой
Отыщется и посейчас... А сей снаряд,
Симво'л Германии технически умелой,
Парит над улицей в красе своей дебелой,
Над подоконником, магнитофоном над –
Хозяйка на игле, и что ей децибелы
И техно-музыки кромешный ад.

Как говорится, я объят
Открывшимся... И паруса кипят.
До кнайпы не дойдя, стою балдея.
Берлинский медленный закат
Слепит и увлажняет взгляд...
Ах, здравствуй, Мурка! То бишь, Лорелея.

* * *

В гаштете «Голубая обезьяна»
Не обязательно засилье голубых,
И можно заглянуть, помыслить на троих
И совершить – ведь всяк не без изъяна.

И о Руси, но опосля стакана—
Когда отмолятся российский грех?
Затем о бабах, только не о тех –
Напротив столик – так баящих странно.

* * *

А это ежедневный love-парад,
Ежевечерний, ежели точнее, –
Стоят девицы-спицы и тучнее
По Oranienburger Strasse в ряд.

Одежда их (не назову – наряд),
Скорее униформа, застит лица,
И тем заметней скачут ягодицы,
Шарами разноцветными шуршат.

Где же Кирсанов? Лопухов? Девицы
На них – и ждут, и жаждут – положиться,
На страстных сотрясателей основ.

Не спится Вере Павловне – кружится
Немецких проституток вереница
В кошмаре равенства и русских снов.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ САРАЙ

В Крым скользнуть за стрижами, а там
К монастырским пойду я воротам,
К разорённым, заросшим садам,
Мусульман переживших воронам,

Кликать юность свою и твою,
И увидеть сквозь душную хвою,
Что с тобой я всё там же стою,
И скала припадает к прибою.

Но за кадром осталась тщета –
Вот одёжка, на вырост пошита! –
Ни кола, ни коня, ни щита,
Толчя, нищета общепита.

Жизнь давно миновала зенит –
Время гонит водицу и пенит,
И мой сон эту бухту хранит,
Где, обнявшись, лежат наши тени.

* * *

Ни пить, ни петь почти не стоит,
Но кельнер пред тобой стоит.
Когда ты загнан и забит,
Когда тебя в тепле знобит
Полночной кнайпы –
Сядь за столик.

Послушать тишину? Навряд.
Здесь кружки бродят невпопад,
Хохочут девицы до колик,
В табачных плавая клубках,
В бровях серёжки и пупах.

Возьми холодной водки шкалик
И слушай: снег шуршит на поле
Ваганькова ли, Вострякова...
За тех, кого не встретишь боле,
Ты выпей. И наполни снова.

AN MARIECHEN

Два мужика метают Dart.
В окне – Берлин, автобус, март,
Летит капель, гонима ветром.
Какими строфами и метром
В письме изобразить всё это?
И пятна солнечного света
Сквозь дым бегущие к окну
Вскользь по бильярдному сукну?..

А вот Mariechen. Полупьяно
Глядит, дымит марихуаной –
Так изменилась, и всё та же –
А годы трудового стажа,
Когда она бледнее мела
За стойкою пивной белела,
Считай с той европейской ночи...
По книге – тёмной, так – не очень.

Два мужика вошли в азарт.
Dart разогрел их или март?
Один из них права качает
(Что драку здесь не означает),
Какой-то чувствуя подвох,
Беснуется, орёт: Arschloch!
Финал немецкой драмы прост:
Пьют, отдышавшись, пиво. Prost!

Уходят гости и приходят,
Заводят речи о погоде,
О пробках на дорогах – штау,
О марках, евро, детях, фрау.
Старик читает даме тусклой:
Авария подлодки русской...
Неповоротливость генштаба...
И эни-бени квинтер жаба.

* * *

Как вам сказать – старик? Нет, не старик.
Берлинец сей глядится моложаво –
Худ, жилист, и мотается кадык,
Когда рассказывает:
– Боже правый,
Смеялись и не зло, творя расправу...

В отечестве я к бойне попривык.
Загадки нет. Расейский есть мужик –
Полны костями родимые канавы.
Но тут Европа... Эка недолга!

Три доброхота, два штурмовика
Смеются и не зло... Кто заступился?
Кто? Ватикан, валявший дурака?
Аме – ни бе ни ме – рика?
^{В е с е л ь е}
~~И р и с т о в о~~ кончилось.
Еврей не шевелился.

* * *

А что касается сионских протоколов,
То в тексте оных множество проколов.
Практически и стилёк автор уволок –
Или авторы увели – у Мориса Жоли.
И это филологически, текстологически
Доказано. Даже юридически.
И приводить примеры куда как скучно –
Столько всего сказано-пересказано!
Короче: туфта выявлена
И, как говорится, научно.

Но вот незадача – упустили сторяча
Глинку Дмитрия Григорьевича.
А этот Глинка – дипломат, фигура блестящая,
Да и личность стоящая – написал трактат,
Идеи коего или их сколы
Цветут, как левкои,
И украшают "Протоколы".

Дима или / зовите как хотите/ Митя
Нрав сызмальства имел мечтательный,
И чтобы вырос муж самостоятельный –
Вот уж пассаж здесь удивительный –
Мальчишку назидал родной сибирский дядя,
Поэт, прозаик, лицеист,
А также бывший пылкий декабрист.
Вот на его эпистолах и возрастал дитя –
Пропахших русскою тюрьмой.

Ах, Виленька! Ай, Кюхля! Бог ты мой.

* * *

Казалось бы – так истина проста,
Печалься или утешайся ею,
Но чьи это там лица бронзовеют –
Не мы ли балагурим у креста?

Копьём в ребро да уксусом в уста,
И виноват сосед – ему, еврею,
Кол в задницу или пеньку на шею,
Но мир спасёт, конечно, красота.

А мы отыщем новую затею –
Два складывать, а, может, три перста,
Чтобы светло распятому молиться...

Костёр гудит, крик рвётся птицей,
Подбросит хворосту святая простота,
И снова наши бронзовеют лица.

* * *

Итак, дошёл я до Берлина.
Теперь в Берлине дохожу,
Нет, не скажу, что ностальгия там, ангина,
Просто в предчувствии финиша –
У каждого своя ниша.
Сижу себе на лавочке,
А мимо – смеются, проходят,
Как время проходит, – девочки.

Так по Шпрее проходит парходик.

Сосед мотивчик под нос заводит,
Похоже "мой милый Августин".
Нет, не ностальгия или там сплин.
Просто время облака хороводит,
Солнце за Gedächtnis-кирху уводит,
И я слышу шествие времени.
И не говорю ему – повремени.

ДОМ В ПРЕНЦЛАУЕРБЕРГЕ
/Gebaut 1898/

Дождь бьёт по красной черепице,
Из каждой добывает звук –
Игра случайных нот вокруг
Стать строим вовсе не стремится,

И в старом доме половицы
Скрипят, и этот скрип – испуг,
Им снится прошлый век, досуг
С неперевернутой страницей.

Дом расположен на границе
Столетий или двух эпох.
В окне детей струятся лица,
И по стеклу течёт водица,
И то, что может повториться
Двадцатый век... Не дай-то Бог!

ТИРГАРТЕН

Над Тиргартеном в лёгкой берлинской лазури,
Сделав ножкой беспечной балетное па,
Ярким златом сусальным блещет до одури
На вершине взлетевшего в небо столпа

Ника, крылья распялив, с дудой и веночком –
Знак победы далёкой – над парком парит,
Где на площади круглой каменным венчиком –
Старики-полководцы, тройной габарит.

.....

Ты ведь тоже крылат, но нечёсаны перья,
Ангел мой, и заплыл монголоидный лик,
Да и голос похмельно-глухой: «Ты поверь, я
Охраняю тебя. Так налил бы, мужик!

Денег нет ни копя и просрочена виза,
Пробирался как вор – не почти за труды –
В столь земную мечту о садах парадиза,
В эти стройные кущи, цветы и сады.

Службу правил по чести, да вот обессилел,
Душу живу в Руси охранить нелегко.
Утерял я бесплотность. Мент меня выселил.
Как тут быть, ты скажи, подопечный Лайко?

Жизни срок на земле всем отпущен короткий,
Только сроки людские неволи длинны –
За тебя я прополз особлаги и крытки
Этой про'клятой Богом печальной страны.

Покаяния нет. И не будет. Во храмах
Вохра ладная лбы расшибает вразмах,
Чьи личины недавно сияли во рамах –
И в цивильной кепчонке, и в сапогах.

И никто не ответит за воздух пропахший
Душной казнью подвала, за равенства бред,
За народ, Бога дико поправший, пропавший,
Из истории выбывший – был да и нет.»

.....

По аллеям берлинцы ступают степенно,
В большинстве явно западного образца,
И здесь водку глотать не скажу чтобы стрёмно,
Просто шествию немцев не видно конца.

Вот старушки-воздушки, старушки-чистюльки,
Гордо, словно короны, несут парики,
Набредают на нас и сжимают кошёлки,
И шаги убыстряют, как феи легки.

Что ж, во славу кончины двадцатого века,
Пей, мой ангел, и шерри, и бренди до дна!
Что Берлин, что Москва – века этого Мекка,
Где недавно ещё правил бал сатана.

Из Европы на Русь абсолютное знанье
Книгочеи везли и по сей день везут,
Потому-то в Германии, как в назиданье,
Я и ангел на лавочке пьём "Абсолют".

СНЕГ

Дни снега на Берлине редки.
Вид бедно оснежённой ветки
Как бы "Ау!" родимых мест,
И обступают вновь окрест
Сугробы, и кружится замять...
Дырявая, но всё же память
Ведёт в Москву, где вас, друзья,
Вас, мертвых, догоняю я.

А город стал чужим и чуждым –
Что искушает он без нужды?
Его и вас мне не вернуть.
Немецкий сон собирает в путь,
Шмонает польская граница,
И вот – холопская столица –
Тьма, темень и подъёмный кран,
И страх, и смех, и Тёплый стан.

* * *

Памяти В.М

Как не было. А мальчик был. Сосед.
Он в Телеграфном жил когда-то.
И бьют колокола у Стратилата,
И Сретенка к Трубе спешит покато,
И вот пустая будка автомата,
Но, знаю, не ответит абонент.

Как не было. Совсем немного лет
Моё отсутствие в Москве продлилось,
Но как она просела, изменилась.
Неужто Кировская мне приснилась?
Ну так, Мясницкая, скажи на милость,
Где он? Его и на Покровке нет.

Жизнь прожита, похожая на бред, –
Литавры, трубы, запах коммуналки,
И девочки в капроне – комсомолки –
Всё фартучки, косички, банты, чёлки –
Ни дать, ни взять – такие богомолки,
И в небеси еси вождя портрет.

Как не было. И не найду я след.
Отчалила харонова фелюга,
И тополиная слепая вьюга
Сокрыла Чистый пруд, трамвай у круга,
Фигуру бронзового драматурга
И цветом белым застит белый свет.

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

И не узнал я девочку катка
В матроне тучной с цацкой Нефертити,
Кричавшей: "За картофель оплатите,
А после отходите от лотка!".

Ах, Бог мой, как она была легка,
Как вспыхивали канители нити –
Летящие московские снега,
Так далеко от нынешних событий.

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

Как странно, я всё жду. Всё кажется придёшь,
Тесёмки обветшалой папки расплетёшь,
И, словно в Тёплом стане, как когда-то,
Прочтёшь – заснеженный и бородатый –
Стихи... И, право, что тебе пивной галдёж?

Я продолжаю жить в раздолбанном Берлине.
Его, столицу рейха, украшают ныне –
Объединение, но в нём прогал, зазор:
Объединенье – да, а единенье – вздор,
Но нынче Рождество, огни и снег, и иней...

Признаться, не видал баркасов здесь во льду,
И всё ж задумывал, и много раз в году,
Что забредём сюда мы, может статься,
И: ...«Бюргерброй»... В разлив... В тени акаций.
Я эту кнайпу и зимой имел в виду.

Роятся мотыльки – рождественские свечи.
Ты что-то говоришь, подняв худые плечи,
И красит женщину свечей неяркий свет.
Три года как тебя на этом свете нет,
И два как нет её, и времечко не лечит.

* * *

Нет на деревне тёплого сортира.
Г. Сапгир

Конечно, происходят перемены,
И снова тьма спешит, сменяя тьму:
Бандиты, демократы, бизнесмены,
Война в Чечне, глядишь – война в Крыму.

Кому угодно помнить Колыму?
Все вохровцы таперчи джентльмены,
Любители Пегаса, Мельпомены,
Набившие швейцарскую суму.

То ль к Ильичу вертаться? Аль к Петру?
Кому-то каннибалы по нутру,
Их почитают и в стране, и в мире...

А хочется – о, Русь! – тепла в сортире,
Да водки небалованной в трактире,
Ну и живым проснуться поутру.

БЕРЛИНСКИЙ АВТОБУС

Семёну Гринбергу,
автору книги стихотворений
"Иерусалимский автобус".

Автобус номер сто пересечёт Берлин –
Маршрут от Запада /от Zoo/ до Востока –
Мелькнёт Курфюрстендамм, где молодой Набоков
Велопрогулками лелеял дар и сплин;

Минуется Потсдамерплац, затем рейхстаг,
Ловлю себя на том, что снова жду Покровку,
Сойти у скверика, но эту остановку
Я здесь ищущи-свищу – не отыщу никак.

Но отыскал кафе, точнее пыль и прах,
Там, где витийствовал и буйствовал Бугаев –
Тургенева ушла, его пасла другая,
Умчавшаяся с ним в Москву на всех парах,

В тот город, где с тобой о строчках разговор
Мы давеча вели до смены декораций –
До иерусалимских сосен и акаций,
Берлинской стенки и стены альпийских гор.

По прошлому блукать, скажи, какой резон?
И процевай, мой град – лубя'ная столица...
Была да сгинула. А это что за лица?
Эпоха кончилась. Открыт другой сезон.

Возможно бархатный. Но холод так же лют.
Движение, mein Herz! Ты в хедере со шваброй,
Я в Deutsche Schule с ней... Так вверх штандарты как бы!
Словесности родной из-за бугра салют.

Вчера раскладывал, как двинуться к тебе –
Пусть нынче до'роги и дроги, и дороги! –
Чтоб снова поболтать о строфике и слоге,
Ну и насчёт цезуры на второй стопе.

А ветер вечности, увы, сильней сквозит,
С германским путаясь, в салон влетает,
И в дрёме транспортной жизнь, как пространство, тает,
Затвердевает таханою мерказит.*

* *Тахана мерказит /иврит/ – центральная автобусная станция.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ШВЕЙЦАРИИ

Да, что-то кончилось. И кошка под дождём.
Мы смерть ещё немного подождём
И соскользнём в пейзажик Тинторетто,
Где лето италийское и Лета,
Или взлетим качелями Ватто,
Да только не про нас всё это.

А даден тихий сызмальства и цвет, и свет,
Тоскана и Прованс нейдут в сюжет,
Вся жизнь проехала на Северах,
И лица снег отбеливал и страх,
Метель кружилась в рыжих абажурах,
Москва мела по тротуарам прах.

Всё позабыто всеми. Ну и поделом.
А помнить – можно двинуться умом.
Я двинулся пока в столицу го'тов,
Здесь в питье чуть меньше оборотов,
Но с этим помириться я готов,
Когда собираюсь за грибами в Ma'hlw.

Тебя какой-то пригласил концерн-интерн,
И ты, по слухам, обживаешь Берн,
А, может, Цюрих – всё звучит, как небыль,
Но в Цюрихе я был (а в Берне не был):
Река, что-то ещё, кораблик плыл,
Как раз в Прованс я через час и отбыл.

Откуда взялся он с вином "Шато-и-кем",
В квадратном свитере советский Хем,
Тебя пленивший и твоих товарок
Тому назад годочков эдак сорок?..
Да, жизнь кончается. У кошки мокрый бок.
Я канарейку шлю тебе в подарок.

ТЫ ЕЩЁ ЧИТАЕШЬ БЛОКА ...

То ли смерть, то ли девка шальная,
Появляешься из-за угла –
Эх, ширнутая, вдрызг распьяная,
Жизнь свою, как дитё, заспала.

По Кудаammu с тобой вечерами
Я вожжаюсь и пью до утра,
Заневолен кнайпами-барами,
Кровью тягостной болен, сестра.

Это звон её: красные мальвы,
И за церковь – тропа под откос,
Где медичка в тюрбане марлевым
Пионера целует взасос.

Звон клубится эхом под сводом,
Старый Курский припомнит вокзал,
Как советский рассвет за городом
В тупике электричку застал.

Пахнут мальвы горькою прелью,
Страстью, мускусом, потом... Потом
Две лошадки – серая с белою –
Бьют подковами в утре пустом.

То ль на том, то ль на этом свете
Кучер, в белый обряженный фрак,
Любопытствует: "Вы поедите?",
Трогая свадебный катафалк.

КЕБАБ НА ФРИДРИХШТРАССЕ

Наверно турок, может быть, араб
Сооружает вдумчиво кебаб –
В лепорции и соусы, и зелень –
Ай, запахи! – и, коли ты не болен,
Возьми мерзавчик, в нём всего сто грамм –
Он ключик золотой к иным мирам,
А этому, тем паче, впору,
И разговоров будет, разговоров...

И приступили мы, благословясь
Реченьями "Будь здрав!" и "Понеслась!",
И я, неисправимый звуколюб,
Услышал – буль! – коснулась водка губ,
На что кебабщик не повёл и бровью,
А лишь вздохнул и молвил: "На здоровье!".

Еврей из Риги крикнул: – Не могу!
Ты тоже русский?
– Русский.
Из Баку.

* * *

Такой сухой невзрачный старичок,
Ещё очки прилаживал он странно,
Ловил руками снег и видел – манна,
Дар избранным, её даритель – Бог.

До умопомрачения скачок!
Но критика его полотен бранна,
Хотя столп света в Лондоне тумана
Даст барбизонцам цветовой толчок.

А позже – Арль и красный виноград,
Сосна Прованса посередине лета –
Всё это и провидел старикан
Тому два века, почитай, назад.
И он всегда, пока скрипит планета,
На каждый праздник света будет зван.

ВОСПОМИНАНИЕ

Да, это было там. Вёрст восемь-десять
Не дале от монастыря, где взвесить
Плоды своей победы Никон мог,
Ступая с троеперстьем к аналою,
И куролесить за его спиною,
Опальною, волён последний инок,

Где Истра воды мутные влечёт,
За честь считалось и большой почёт
По милости властей заполучить надел.
Артист, давно забытый, но народный,
Снимавшийся ещё в немом с Холодной,
Высокой дачей рубленой владел.

Он умер сам. Как говорится, дома.
А дочь – весьма изысканная дама –
Чуть не сошла с ума, мотая срок,
Сожительствуя с вором, вохрой, кумом,
Садистом светлооким и угрюмым,
Зачем жива осталась – знает Бог.

У дома в кущах и цветах она,
Почти старуха, но ещё стройна,
Глядит, как в сосны прячется закат,
Свою сестру-горбунью обнимая,
И рядом дочь, детдомовка немая –
Скульптурной группой грации стоят.

И рясой долгой путаясь в сиренях,
Согбенный Никон, чуть не на коленях,
Спешит подол иль ручку лобызнуть.
Подъявши лапу, медленная такса
Окаменела на тропинке флоксов,
На этот Божий мир готовясь брызнуть.

СОДЕРЖАНИЕ

Взять саквояж – и двинуть из Руси.....	7
На улице, где припаркованы авто.....	9
По Фридрихштрассе веет сквознячок.....	10
СРЕТЕНКА.....	11
ВОСТОЧНЫЙ БЕРЛИН В ДЕВЯНОСТОМ.....	12
ОКТАБРЬ УЖ НАСТУПИЛ.....	13
ДЕЛО №17394 УНКВД СССР ПО КРАСНОДАРСКОМУ КРАЮ... ..	14
МОСКОВСКИЙ СОН.....	15
ТУМАН В ГАМБУРГЕ.....	17
НЕМЕЦКИЙ ПАСПОРТ.....	19
КУМИР.....	20
Две ведьмы соревнуются в дзюдо.....	21
КРЫЖОВНИК.....	22
НА BRUSENDORFER МУЗЫКА ИГРАЕТ.....	23
В гаштете "Голубая обезьяна".....	24
А это ежедневный love-парад.....	25
БАХЧИСАРАЙСКИЙ САРАЙ.....	26
Ни пить, ни петть почти не стоит.....	27
AN MARIESHEN.....	29
Как вам сказать – старик? Нет, не старик.....	31
А что касается сионских протоколов.....	32
Казалось бы – так истина проста.....	34
Итак, дошёл я до Берлина.....	35

ДОМ В ПРЕНЦЛАУЕРБЕРГЕ.....	36
ТИРГАРТЕН.....	38
СНЕГ.....	41
Как не было. А мальчик был. Сосед.....	42
ЧИСТЫЕ ПРУДЫ.....	44
ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ.....	45
Конечно, происходят перемены.....	46
БЕРЛИНСКИЙ АВТОБУС.....	48
ПОСВЯЩАЕТСЯ ШВЕЙЦАРИИ.....	50
ТЫ ЕЩЁ ЧИТАЕШЬ БЛОКА.....	52
КЕБАБ НА ФРИДРИХШТРАССЕ.....	54
Такой сухой невзрачный старичок.....	55
ВОСПОМИНАНИЕ.....	56

Александр Лайко
Другой сезон
Редактор Антонина Кудрявицкая
Лау-out, компьютерный набор
Михаила Лайко

Copyright © Alexander Laiko
ISBN 3-00-008325-1

Александр Лайко
ДРУГОЙ СЕЗОН
Берлин 2001

Другие книги того же автора:
АНАПСКИЕ СТРОФЫ. Москва, 1993
МОСКОВСКИЕ ЖАНРЫ. Мюнхен, 1999

